

Се Цюци смахнул с одеяла пятна плесени: «Из этого бомбоубежища выбраться нетрудно, но если снаружи много охраны, будут проблемы. Поймают — смерть тебе, может, и не грозит, но ноги отрубить запросто могут. В завещании твоего отца сказано только, что ты должен остаться в живых. А уж целым или в виде «человека-свиньи» — неважно.»

Чжэн Кэ, только что оживившийся, снова съёжился от этих слов.

Се Цюци вздохнул и похлопал по койке рядом: «Спи. Наберёшься сил — будем бежать.»

Дорога вымотала молодого барина донельзя. Перекусив, его сразу стало клонить в сон. Хотя сначала двадцать человек в одной комнате казались ему невыносимым шумом, уснул он быстрее всех. Остальные ещё на кровати не устроились, а он уже храпел.

Се Цюци же заснуть не мог. Бессонница — старая напасть. Раньше таблетки помогали, потом перестали, и он махнул на них рукой. Тело его изнемогало от усталости, но сознание оставалось ясным и не желало отключаться.

Когда все заснули, он бесшумно поднялся и крадучись подошёл к выходу.

Массивные железные створки были стянуты цепью с огромным висячим замком. Он толкнул дверь — в щель прокрался лунный свет. Снаружи двое часовых, развалясь на пустой земле, играли в карты и пили. На ящике рядом лежал аккуратно нарезанный белый порошок.

Керосиновые лампы светили тускло, и им приходилось подносить карты чуть ли не к самым глазам. Спустя некоторое время выигравшие ликовали, а проигравший вытащил изо рта зуб и высыпал оттуда что-то в общую банку с деньгами. Помимо этой пары, мимо время от времени проходили патрульные.

Се Цюци, устав наблюдать, вернулся на койку. Кирпичные стены пропускали ветер, и его завывание напоминало печальную мелодию флейты весенней ночью.

Под эту похоронную музыку он наконец уснул.

На следующее утро, ещё до рассвета, Се Цюци разбудил скрип железной цепи.

Он толкнул Чжэн Кэ: «Идут.»

Тот не выспался. В бомбоубежище было холодно, одеяла не хватало, и он инстинктивно прижался к теплу Се Цюци. Барин, видимо, во сне вообразил себя в своей роскошной спальне и, бормоча что-то невнятное, обнял Се Цюци, назвав «дорогой». Лицо Се Цюци потемнело. Он без церемоний дал молодому человеку затрещину по затылку, вырвав того из сладких грёз.

Не успел Чжэн Кэ как следует рассердиться, как внутрь уже вломились солдаты. Они поднимали людей прикладами, выгоняя всех наружу. На площадке уже выстроилась очередь шахтёров. Присоединившись к ней, они двинулись к холму позади убежища.

Утро было хмурым. Луна бежала сквозь облака, а ветер гнал за ней по пятам. Но и луне не вырваться из африканского неба.

За холмом текла река. Тёмная вода, истерзанная бесчисленными нелегальными старателями, превратилась в густой, мутный и удушливый отвар. У неё даже названия не было — разве что крохотный приток Конго где-то на плато Лунда. После откачки часть русла обнажилась под лунным светом — влажная, топкая грязь цвета финиковой пасты, в которой поблёскивали

холодным светом камни.

На берегу валялись обломки — вероятно, остатки от взрывов, изменивших русло. Две тачки лежали на боку, вокруг были разбросаны лопаты, корзины, сита и фильтры. Толстая пластиковая труба, похожая на вывернутые красные кишки животного, валялась на земле, соединяясь с небольшим насосом. Рядом стояло странное приспособление, напоминающее жёрнов, настолько заляпанное грязью, что первоначальную форму уже не разобрать.

Даже Се Цюци, выдавший виды, был потрясён примитивностью этих «рабочих условий». Здесь царил ручной труд в его древнейшей форме, будто индустриальная эпоха и не наступала вовсе.

Шахтёры разделились на две группы. Первая занималась промывкой прямо в русле — самым простым и незатейливым способом. Они зачерпывали ситами песок и грязь со дна и промывали их.

Вторая группа смешивала речной песок с водой в грязевую жижу и выливала её в тот самый жерновоподобный промывочный лоток. Двое рабочих вращали рукоять с гребёнкой, поддерживая смесь во взвешенном состоянии. Более тяжёлые камни, содержащие алмазы, оседали на дно, и зубья гребёнки выталкивали их к краям лотка, тогда как лёгкий песок уносился водой.

Но и эти осевшие камни ещё не были алмазами. Их ждала дальнейшая сортировка: тщательная промывка, дробление крупных кусков, двойное просеивание через фильтры и наконец — ручная отборка.

Промывочный лоток, благодаря простоте изготовления и дешевизне, стал одним из самых популярных орудий во время первых алмазных лихорадок в Африке. Многие кустарные артели до сих пор используют его для обогащения руды.

Однако с ростом масштабов и профессионализации алмазодобычи крупные прииски давно отказались от подобных методов. На смену людям с ситами пришли экскаваторы и земснаряды, а для обогащения руды теперь применяют вибрационные столы, магнитные сепараторы и дробилки. Машины не только точнее, но и в разы эффективнее.

В Анголе, на северном плато, подобные нелегальные прииски, как этот, плодятся как грибы. Большинство из них до сих пор застряли в кустарном производстве. И всё же добыча в районе Лунда поражает воображение — здесь ежедневно находят почти сто граммов алмазного сырья. В пересчёте — около пятисот карат.

С пяти утра до восьми вечера шахтёры должны были стоять, согнувшись в три погибели, по колено в воде, безостановочно промывая, просеивая и дробя породу этими жалкими орудиями. Держать сито и трясти его — уже через пятнадцать минут спина и ноги отзывались дикой болью.

В африканских лесах кишит всякая живность — насекомые и микробы плодятся в грязи с невероятной скоростью. Ни перчаток, ни дезинфекции, ни элементарной гигиены. Паразит может вгрызться в кожу, а ты даже не заметишь.

Работу на ночь прекращали по простой причине — свет мог привлечь лесную полицию. Вот и приходилось нелегалам прерываться.

Чжэн Кэ выглядел всё хуже. Он только начал, но уже выбился из сил, то и дело разгибался, чтобы помассировать поясницу. Один из солдат обложил его матом и, наведя ствол на голову,

приказал не выпрямляться. Стиснув зубы, тот продержался ещё немного, пока руки не онемели от напряжения. На востоке едва забрезжил рассвет, до солнца было ещё далеко.

Се Цюци не обращал на него внимания, молча делая свою работу. Он тоже уставал, но это было терпимо. Работая, он не забывал изучать местность и теперь убедился — они в глухой чаще, в первобытном лесу, где нет ни души. Значит, пешком не выбраться — без карты и ориентиров можно три дня кружить и не найти дороги.

Вчера он так уверенно говорил Чжэн Кэ о побеге, но без транспорта, без хотя бы велосипеда, человеку здесь одна участь — сгинуть в беспощадной глуши.

Он следил за высотой солнца и длиной теней, отсчитывая время. Каждые полтора-два часа отлучался под кусты — и для дела, и чтобы передохнуть. В обеденный перерыв, длившийся час, он забрался повыше на берег со своим пайком — куском белого хлеба.

Сзади кто-то присел и сказал по-китайски: «Не высматривай. В одиночку отсюда не уйдёшь. До ближайшей лавки на машине — час, до городка — полтора. Были такие, что пытались. Не проходили и километра — либо змея кусала, либо ещё что.»

Се Цюци изменился в лице: «Ты отлучался?»

Мужчина средних лет усмехнулся и понизил голос: «Им же надо вывозить сырьё на обработку и огранку. Раз в неделю два раза отправляют машину с солдатами. Иногда берут и шахтёров — тех, кто послушный и хорошо работает.»

<http://bllate.org/book/15957/1426764>